

С.Э. Сомов (Могилев)

ОБРАЗНАЯ КАРТИНА МИРА В «СЛОВАХ» ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

Концептуальные представления о мироустройстве белорусский просветитель Георгий Конисский выразил не только в философских произведениях, но и в художественной форме – в проповедях. Особую значимость в этом отношении имеют «Слова на Рождество Христово», поскольку именно в них проповедник использовал максимально широкие временные и пространственные рамки повествования: от сотворения мира, ветхозаветных эпох до предполагаемого Страшного суда.

Образная картина мира у Конисского в целом традиционна и состоит из трех частей: небо, земля и преисподняя.

Символика неба включает в себя две составляющие: небо вещественное, пределы зримого солнца и света, а также невестественное, обиталище Бога и вечной духовной жизни. Бог-Троица, предшествовавший существованию всего видимого и невидимого, «прежде неже открыты бездны, преж-

де неже водрузи горы и основания земли положи», царствует над миром и всеми человеческими душами [1, с.364].

Конисский соотносит небо с землей как свет с тьмою, как нечто высшее с низшим. Антитеза света и тьмы универсальна и является выражением одной из древнейших мифологических оппозиций. Предшествование тени свету есть предшествование неподлинного существования (плоти) – подлинному (духу), предшествование древнего хаоса – космосу. Таковым космосом и гармонией для земного, духовно не оформленного человеческого существа является Христос – «Солнце», «свет», «вещь», т.е. нечто не иллюзорное.

Христианский Бог в изображении Георгия Конисского противопоставляется древним идолам, однако при этом Его образ вбирает в себя языческие составляющие. Христос – роса духовная, дающая жизнь вечную, сходящий с неба, «яко дождь на руно и яко капля каплющая на землю», в значительной степени подобен Перуну, богу молний и воды, посылающему ее как жизнь всему земному. Христос – Солнце правды, несущее свет миру, напоминает Дажьбога – солнце, дающее свет и жизнь, изгоняющее тьму и все нечистые духи. Это скрытое соотношение Христа с языческими божествами имеет внутреннюю логику, поскольку не Саваоф, не Дух, а именно Сын облечен плотью мира, овеществлен, как видимое солнце, дождь и молния, и поэтому Его легко представить. При этом Георгий через осязаемость бытия Спаса пытается сообщить слушателям главное – учение о нематериальной, духовной природе божественного.

Мир земной, населенный людьми, в изображении Георгия Конисского представляет собой некую общность. Основа единства всех людей негативная – грех: «...Вси согрешихом; еще в чреслах сущи праотца Адама, все даже и доселе грешить не престаем; следовательно, все лишены есмы славы Божия, весь мир грехом задолжился Богу...» [1, с. 121]. Человечество являет неприглядную картину порабощенности злыми силами. Пленные люди совершают «работу, грехом повелеваемую», а в качестве «платы» за нее получают еще и «вечные адские муки». При этом многие из людей своей несвободы не чувствуют. Такое парадоксальное ощущение Конисский передает посредством оксюморона, когда характеризует тех, кто «в греховной работе сладко почивают» [1, с. 123].

Все люди духовно больны. Живущих на земле Конисский сравнивает с физически неполноценными существами: слепыми, глухими, хромыми и ослабленными. Жизнь человеческая – это состояние бесконечной войны, конфликта друг с другом, а значит и с Богом. В этом главный смысл греховного состояния. «Человек грешный, враг Божий непримиримый», – говорит Георгий [1, с. 232]. До прихода в мир Христа настоящее примирение в этой войне, по мысли Георгия, было невозможным. Даже при наличии выбора между добром и злом и примеров добродетельной жизни спасения удаивались единицы.

Христос выступает миротворцем, Его Рождество знаменует новое качество бытия: мир изменается, в него привносится Истина, «вместо гнева бывшего, благоволение в человецех». Но приход в мир Света не объединяет общество, как бы этого ни хотелось пастырю, а напротив – разделяет, высвечивая добродетели и пороки. Образ смутившегося города – «Иерусалимы, убийцы праведных» – становится у Конисского метонимией, характеризующей многих людей, духовно не просто чуждых, но враждебных Христу. «Все убо в пришествии Царя сего радуются, кои суть истинные граждане Его, повинующеся со усердием повелениям Его, – говорит Святитель. – Напротив же злодеи и мошенники, кои за ремесло свое ничего больше не ожидают, как петли, могут ли радоваться, суди всяк, приходу цареву во град свой?» [1, с. 123].

Грешная земля представляется Конисскому хрупкой оболочкой ада – противопоставленного небу «подземелья». Близость земли аду, их родственность отвечает неподлинности земного существования. Живописуемая Георгием в проповеди картина извергающегося вулкана расширяет наивные представления об устройстве вселенной: «...Вулканы новые, не на горах уже, но и в дебрех открывающиеся, указуют не окны уже ада, как доселе мы почитали Везувия и Этну, Геклу и другия немногия, но щели частыя его, яко уже тесная храмина его состарелась, и щели частыя указуя, хощет обвалиться, а на то место обняти и пожерти всю землю огнем» [1, с. 185].

Образная картина мира, создаваемая архиепископом Георгием Могилевским в рождественских проповедях, свидетельствует, что религиозное мышление культивирует особенные представления о бытии. Автор, безусловно, знакомый с новейшими научными открытиями эпохи Просвещения, игнорирует их не потому, что они входят в формальное противоречие с церковными догматами, а скорее потому, что являются несущественными с точки зрения этического строительства. Конисский использует в качестве исходного материала даже древнейшие языческие представления о божестве, чтобы вернее выразить новую христианскую идею.

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисскаго, Архиепископа Могилевскаго. – Могилев-на-Днепре, 1892.